

Лингвокультурология женского имени и ее роль в репрезентации языковой личности автора текста

Л. М. Салимова*, М. Е. Константинов

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

*Email: sali-lira@yandex.ru

Статья посвящена изучению вопроса о роли выбора женского имени в тексте как своего рода репрезентанта языковой личности известного русского писателя, историка Николая Михайловича Карамзина (1766–1826). В ходе лингвокультурологического анализа установлено, что в произведениях Н. М. Карамзина представлены имена лиц женского пола, имена исторических и мифологических лиц, а также имена прецедентных для того времени литературных героинь. Рассмотренный в лингвокультурологическом контексте выбор женского имени писателем позволяет сделать наблюдения о языковой личности самого автора.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая личность, антропоним, женское имя.

Языковая личность, с конца XX века ставшая объектом пристального внимания отечественной лингвистики, и в настоящее время не может быть признана феноменом, изученным в полной мере. Исследователи предлагают новые подходы к описанию языковой личности и разные методы их реализации, признавая неизбежной только самую суть понимания данного явления: рассматривать языковую личность как конкретного носителя языка, характеризуя его с точки зрения способности понимать, воспроизводить и создавать тексты при помощи системных средств языка (Ю. Н. Караулов, В. В. Воробьев). Именно благодаря этим текстам мы можем составить адекватное представление о языковой личности их создателя, судить об особенностях видения и оценивания им окружающей действительности.

Среди многообразия репрезентантов языковой личности мы особо выделяем умение оперировать так называемой ономастической информацией, понимаемой нами вслед за Н. В. Васильевой как «...имеющийся (или формирующийся) у говорящего комплекс знаний о СИ (*собственное имя* – Л. С., М. К.), куда входят информация о СИ как языковой единице, информация о носителе СИ, а также ассоциации/коннотации, которыми обладает данное СИ для отдельного носителя языка и/или для данного лингвокультурного сообщества» [1, с. 30–31]. В картине мира отдельной языковой личности имя собственное становится ее ярким репрезентантом, обретая своеобразный лингвокультурологический «ореол» («...в его значение входят и компоненты экстралингвистиче-

ские, в том числе эстетический, аффективный, морально- и социально-оценочный...» [7, с. 266]), к которому мы относим как культурологическое наполнение, так и выражение личностного отношения и восприятия, объясняющих причины актуализации онима в языковом сознании человека и цели обращения к нему в дискурсе. Таким образом, ономастическая информация, содержащаяся в текстах, всегда, по нашему убеждению, носит ярко выраженный лингвокультурологический и лингвоперсоналогический характер.

Наблюдения за использованием имен собственных в фольклорном [2], художественном [5, с. 17–90; 6] и научно-публицистическом [4] текстах показывают интересные результаты, которые в целом могут обогатить представление о языковой личности их авторов.

В настоящей статье мы представляем лингвокультурологические наблюдения за использованием женских антропонимов на материале ряда текстов, принадлежащих перу известного русского писателя, историка, выдающегося представителя своей эпохи – Николая Михайловича Карамзина (1766–1826). Мы полагаем, что восприятие творчества писателя современными носителями языка будет полноценным при условии получения широкого круга лингвокультурологических знаний, касающихся, в первую очередь, использования антропонимов, которые обладают способностью становиться прецедентными именами, наименованиями сквозного или вечного образа литературного героя или героини. Обращение к женским антропонимам обусловлено пониманием особой роли женщины в обществе описываемой эпохи: «Литература и искусство конца XVIII – начала XIX веков создают идеализированный образ женщины, который, разумеется, расходился с тем, что давала жизненная реальность. Но, с одной стороны, это резко повышало роль женщины в культуре. Идеалом эпохи становится образ поэтической девушки. С другой стороны, образ этот облагораживающе действует на реальных девушек» [3, с. 53]. Выбор женского имени в текстах Н. М. Карамзина не случаен: он обусловлен широким спектром авторских задач, личностных предпочтений и литературными традициями, что ставит вопрос о необходимости рассмотрения использованных автором антропонимов в лингвокультурологическом контексте.

Для решения данной задачи мы обратились к прозаическим произведениям Н. М. Карамзина, в которых обнаружили использование женских имен. Методом сплошной выборки мы выявили 89 женских антропонимов, представленных в следующих текстах: «Евгений и Юлия» (1789), «Раиса (Древняя баллада)» (1791), «Письма русского путешественника» (1791–1792), «Бедная Лиза» (1792), «Наталья, боярская дочь» (1792), «Сиерра-Морена» (1793), «Юлия» (1796), «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» (1802), «Рыцарь нашего времени» (1803). Полученные данные позволили нам составить функционально-семантическую классификацию женских антропонимов в творчестве Н. М. Карамзина.

Самую многочисленную группу составили антропонимы – женские личные имена: *Лиза, Анюта, Шарлотта, Каролина, Анна Гре, Юлия, София, Лизета, Аманда, Тереза, Розалия, Катерина, Луиза, Мария, Дженна, Амалия, Эрлах, Диана, Госпожа Гло**, *Конта, Таля, Роза Рено, Дервье, Агнеса Геллебик, Луиза (сестра милосердия), Ева, Нерина, Офелия («Письма русского путешественника»); Юлия («Евгений и Юлия»); Наталья («Наталья, боярская дочь»); Эльвира («Сиерра-Морена»); Юлия («Юлия»); Эмилия, Лидия («Рыцарь нашего времени»); Лиза («Бедная Лиза»); Раиса, Людмила («Раиса»)* (всего 37). Антропонимы этой группы особенно, на наш взгляд, нуждаются в лингвокультурологическом осмыслении, поскольку их выбор полностью обусловлен языковой личностью автора текстов.

На втором месте по численности находятся антропонимы женских исторических личностей: *Герцогиня Амалия, Императрица Анна, Елисавета Петровна, Королева Анна, Императрица Клеопатра, Аспазия, Элоиза, Дева Мария, Маргарита Бетюн, герцогиня де Роган, Екатерина Вторая, Лаура (возлюбленная Ф. Петрарки), Королева Мария (дочь Иакова II), Королева Елисавета, Принцесса Ламбаль, Мария-Антуанетта, Елена Форман (супруга Пауля Рубенса), Диана дю Пуатье (возлюбленная Генриха II), Мария Магдалина, Луиза Дюгазон (оперная певица), Графиня д'Аркур, Мария Гокар графиня де Косе, Катерина Медицисс, Сафо (греческая поэтесса), Катерина Валуа (королева Англии), Маргарита, герцогиня Комаринская («Письма русского путешественника»), Аспазия, Лауса, Элоиза («Юлия»), Марфа-посадница (Борецкая), Ксения Борецкая («Марфа-посадница, или покорение Новгорода»)* (всего 34). Мы видим, насколько широк культурный кругозор Н. М. Карамзина, обладающего умением непринужденно использовать в текстах имена исторических лиц, бывших прецедентными для жителей описываемой эпохи, но в большинстве случаев не являющихся таковыми для современных носителей языка.

Мы обнаружили, что писатель активно упоминает в своих произведениях антропонимы женских мифологических персонажей: *Венера, Дафна, Флора (богиня), Аретуза (нимфа), Диана (миф о Эндимионе), Калипсо (нимфа), Юнона (богиня), Венера Медицесская, Ева, Пенелопа (супруга Одиссея)* («Письма русского путешественника») (всего 10). В данном случае при осуществлении лингвокультурологического анализа следует учитывать не только объем знаний современных носителей языка, но и появление различного рода коннотаций, возникших у этих имен в процессе их использования в последующих текстах культуры, в том числе массовой.

Самой малочисленной, по нашим наблюдениям, можно признать группу антропонимов женских литературных персонажей, ставших предметом отсылок, упоминаний в произведениях Н. М. Карамзина (всего 8): *Роксана, Кларисса, Юлия, Елисавета Валуа (королева Испании), Армида («Письма русского путешественника»); Юлия («Рыцарь нашего времени»); Дафна, Хлоя («Наталья, боярская дочь»)*. В этой связи большой ин-

терес вызывает процесс установления интертекстуальных связей и отношений в текстах в соответствии с авторским замыслом.

В анализируемых текстах Н. М. Карамзина обнаруживается влияние его языковой личности и в частоте употребления тех или иных женских имен. В данной статье мы лишь обозначим самые любопытные, на наш взгляд, частотные характеристики.

Наиболее частотными антропонимами в творчестве Карамзина стали женское имя *Елизавета* и его производные, а также *Мария*. В прозаических произведениях автора можно выделить по шесть носительниц этих имен: *Лиза*, *Лизета*, *Елисавета Петровна*, *Елисавета Валуа*, *Королева Елисавета* («Письма русского путешественника»); *Лиза* («Бедная Лиза»); *Мария*, *Дева Мария*, *Королева Мария*, *Мария-Антуанетта*, *Мария Гокар*, *графиня де Косее*, *Мария-Магдалина* («Письма русского путешественника»).

Следующим часто употребляемым антропонимом стало имя *Диана*. Оно встречается у автора пять раз: *Диана*, *Диана (богиня)*, *Диана (миф об Эндимионе)*, *Диана дю Пуатье* (возлюбленная Генриха II) («Письма русского путешественника»); *Диана* («Рыцарь нашего времени»).

Женский антропоним *Анна* в прозе Карамзина употребляется четыре раза: *Анюта*, *Анна Гре*, *Императрица Анна*, *Королева Анна* («Письма русского путешественника»).

Еще одним из наиболее частотных у автора стало имя *Екатерина* (четыре раза). Данное имя можно лишь встретить в романе «Письма русского путешественника»: *Катерина*, *Екатерина Вторая*, *Катерина Медицисс*, *Катерина Валуа*.

Карамзин был «великим поклонником» Жан-Жака Руссо, поэтому в его творчестве очень часто можно заметить интертекстуальную связь с романом «Юлия, или Новая Элоиза». Так, в прозаических произведениях («Письма русского путешественника», «Евгений и Юлия», «Юлия», «Рыцарь нашего времени») антропоним *Юлия* употребляется четыре раза.

Антропоним *Дафна* чаще всего выступает у Карамзина как мифологический персонаж. Данное имя можно встретить три раза: *Дафна* (нимфа), *Дафна*, («Письма русского путешественника»); *Дафна* («Рыцарь нашего времени»).

Следующим антропонимом стало имя *Венера*. Данный антропоним встречается три раза: *Венера* (богиня), *Венера*, *Венера Медицейская* (скульптура) («Письма русского путешественника»).

В прозаических произведениях Карамзина три раза упоминается антропоним *Луиза*: *Луиза*, *Луиза* (сестра милосердия), *Луиза Дюгазон* (оперная певица) («Письма русского путешественника»).

Персонажи с именем *Элоиза* в прозаических произведениях Карамзина отсутствуют, однако автор нередко отсылает читателей к реальному прототипу этого антропонима.

Данный антропоним используется также три раза: *Элоиза* («Письма русского путешественника»); *Элоиза* («Юлия»); *Элоиза* («Рыцарь нашего времени»).

Менее частотным антропонимом стало имя *Амалия*. В романе «Письма русского путешественника» можно встретить двух носительниц этого имени: *Амалия*, *Герцогиня Амалия*.

Наименьшим по частотности стало имя *Аспазия* («Письма русского путешественника»), носительницей которого была известная древнегреческая куртизанка. Антропоним *Аспазия* упоминается также в повести «Юлия».

Антропоним *Маргарита* встречается также всего лишь два раза. Данное имя использовалось в романе «Письма русского путешественника». Карамзин упоминает двух носительниц этого имени: *Маргарита Бетюн*, *герцогиня де Роган*; *Маргарита*, *герцогиня Комаринская*.

Изучение вопроса о лингвокультурологии женского имени, представленного в творчестве Н. М. Карамзина, позволяет сделать наблюдения о языковой личности самого автора.

Женские образы, получившие воплощение в произведениях писателя, во многом способствовали изменению отношения к женщине в обществе того времени, обогащению ее внутреннего мира, помогли современницам стать вдумчивыми читательницами, что впоследствии позволило им войти в историю отечественной культуры обладательницами особого нравственного облика. Ю. М. Лотман, историк русской литературы, исследователь творчества писателя, прямо на это указывает: «Эпоха, начатая в России Карамзиным, отвела женщине совершенно новую роль» [3, с. 59].

Выбор имени героини в произведении предстает, с этой точки зрения, обдуманном шагом, учитывающим разнообразие сопутствующих ему лингвокультурологических характеристик. Так, Н. М. Карамзин именует своих героинь привычными для русских людей именами *Елизавета*, *Мария*, *Екатерина*, имея в виду и близких своему сердцу живых носительниц (например, первую жену писателя также звали Елизаветой). Будучи историком, широко образованным человеком, Н. М. Карамзин свободно включает в языковую ткань текстов имена женщин, оставивших след (не всегда узнаваемый уже тогда и тем более – в наше время) в истории. Писатель, создавая в России литературу нового направления, продемонстрировал в произведениях приверженность литературным традициям, обозначил интертекстуальные связи с западноевропейскими текстами.

В заключение следует отметить, что изучение вопроса о роли лингвокультурологии женского имени в репрезентации языковой личности Н. М. Карамзина предполагает в дальнейшем подробное описание каждого и/или наиболее показательного случая предпочтительного выбора того или иного антропонима.

Литература

1. Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с.
2. Кульсарина Г. Г., Салимова Л. М. Функционально-стилевые особенности антропонимов в башкирских и русских сказках // Вопросы филологии и методики обучения языкам в вузе и школе: Материалы конференции, посвященной 75-летию проф. А. М. Азнабаева. Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. С. 105–110.
3. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство – СПб, 1996. 399 с.
4. Салимова Л. М. О месте имен собственных в языковой картине мира элитарной языковой личности (на материале «Бесед о русской культуре» Ю. М. Лотмана) // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. №7. Т. 3. С. 258–264.
5. Салимова Л. М. Учебный словарь-комментарий к роману «Евгений Онегин» // А. С. Пушкин. Евгений Онегин: Роман в стихах. Л. М. Салимова. Учебный словарь-комментарий к роману «Евгений Онегин». М.: Издательский дом «ОНИКС 21 век», 2005. С. 3–191.
6. Салимова Л. М., Кульсарина Г. Г. Имена собственные в художественном тексте как отражение языковой картины мира автора (на примере романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и повести Мустая Карима «Долгое-долгое детство») // Язык и литература в условиях многоязычия: Материалы III Международной научно-практической конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С. 78–81.
7. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 368 с.

Статья рекомендована к печати кафедрой теории языка и методики его преподавания БашГУ
(канд. пед. наук, доц. Ямалетдинова А. М.)

Linguocultural studies of the female name and its role in the representation of the linguistic personality of the text author

L. M. Salimova*, M. Ye. Konstantinov

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

*Email: sali-lira@yandex.ru

The article deals with the study of the role of choosing a female name in the text as a kind of representative of the linguistic personality of the famous Russian writer and historian Nikolai Mikhailovich Karamzin (1766–1826). During linguocultural analysis it was found that in the works of N. M. Karamzin anthroponyms of women's personal names, names of historical and mythological persons, as well as names of precedent for that time literary heroines are present. Considered in the linguocultural context, the choice of a female name by a writer allows us to make observations about the linguistic personality of the author himself.

Keywords: linguocultural studies, language personality, anthroponym, female name, Karamzin.